

ХЕЛЬГА МЭЙС

отель

ПОД КОРНЯМИ

КАК ЧЕРТ

ФЕЮ ЗАМУЖ ЗВАЛ

Хельга Мэйс

отель "Под корнями":

Как черт фею замуж звал

<https://litres.ru/74000581>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда черт взял отпуск и поселился в домике под корнями каштана, он рассчитывал на несколько недель заслуженного покоя. Но в первый же день на пороге возникла фея — хозяйка отеля, которая трещит без умолку, печет печенье с клеверным медом и смотрит на него так, будто он не черт с пятьюстами годами пакостей за плечами, а просто симпатичный постоялец.

Он не должен влюбиться. Она не должна ответить ему взаимностью. У них разные миры, разные привычки, и даже паук под потолком у феи крутит лапкой у виска.

Но когда хвост черта против воли хозяина обвивает ее талию при луне, становится ясно: что-то пошло не по плану. Или наоборот — впервые все идет своим чередом.

Содержание

-	4
1	6
2	16
3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Хельга Мэйс

отель "Под корнями":

Как черт фею замуж звал

-

Вереск — вечнозеленый, сильно ветвистый кустарник небольшой высоты, с тонкими поверхностными корнями. Покрит кистевидными соцветиями на концах побегов. Медунос...

1

Феечка Вересковая Росинка опаздывала. Не то чтобы сильно — минут на пятнадцать, не больше, — но для феи, которая лично вышивала на каждой дверной табличке *«Пунктуальность — вежливость крылатых»*, это было почти преступлением. Она неслась на своих крылышках над тропинкой, задевая ими мохнатые ветки лиственных деревьев, и на ходу дожевывала бутерброд с клеверным медом. Крошки сыпались вниз. Какой-то особо удачливый муравей, проползавший по этой самой тропинке мимо, уже созывал бригаду — праздник пришел на их улицу внезапно.

— Десятый, десятый... — бормотала она, сверяясь с бумажкой, которая норовила выпорхнуть из пальцев. — Нет, это пятый, он под корнем старого дуба, а десятый... Ах, да! Под каштаном!

Она спикировала вниз, едва не зацепившись юбкой своего легенького платья за шишку, валявшуюся неподалеку, и приземлилась перед дверью, врезанной прямо в нору под древесными корнями. Домик был хорош: дубовые ставни с прорезями в виде листочков, фонарик-светлячок в хрустальном плафоне, крылечко из трех отшлифованных камней. Из трубы, сложенной из кусочков коры, глины и более-менее прямоугольных камней, вился дымок — значит, гость уже внутри и, судя по всему, сам развел огонь.

— Ой, ой, ой, — Вересковая Росинка одернула передник и поправила венок из вереска — ее собственного, именно-го, который она каждое утро обновляла чарами. — Он уже здесь! А я даже приветственный чай не заварила. И печенье... Печенье я забыла дома. Ну конечно! Классика, — фея хлопнула себя легонько по лбу.

Она постучала. Три коротких удара, как положено по уставу Лесного Гостеприимства — пункт четвертый, параграф «Б». Дверь открылась не сразу — сперва за ней что-то грохнуло, потом послышалось сдавленное ругательство на каком-то шипящем неизведанном фее языке, и только затем створка отворилась.

На пороге стоял черт.

Вересковая Росинка раньше видела чертей только на картинках в «Ежемесячном Вестнике Магических Рас» и один раз — на ярмарке в Западном Уделе, но тот был какой-то потасканный, в мятом сюртуке, и пахло от него перегаром так, что даже цветы сворачивали свои лепестки на ее веночке. Этот был... другой.

Во-первых, он был высокий. Настолько, что ему пришлось пригнуться, чтобы не задеть рогами дверной проем. Рога, кстати, тоже были примечательные — не такие уж длинные, но изящно изогнутые, темно-серые, почти черные, и будто бы отполированные до блеска. Волосы он зачесывал назад, и они лежали крупными волнами, как грозовые тучи, сгущающиеся над горами. Глаза — желтые, с характерным верти-

кальным зрачком, — смотрели на нее сверху вниз с выражением, в котором смешивались удивление и что-то еще, непознанное для феи.

Он был в темно-красной, бордовой, рубашке с закатанными рукавами по локоть — и вот тут Росинка, как фея честная, отметила про себя, что предплечья у черта были весьма и весьма рельефные, словно он не бумажки в своей Адовой Канцелярии перекладывал, а как минимум горы сворачивал. Хвост — тонкий, длинный и гибкий, с острой кисточкой на конце — нервно постукивал по дверному косяку.

Черт открыл рот, собираясь, видимо, сказать что-то едкое по поводу опоздания хозяйки, — и замер. Просто застыл, уставившись на фею так, будто перед ним возникло привидение. Или ангел. Или, скажем, ангел-привидение с крылышками и в прекрасном венке.

— Вы... — начал он и странно, почти неуловимо сглотнул. Желваки на скулах напряглись. Хвост дернулся влево, вправо и обвился вокруг его собственной ноги — не иначе, чтобы не вытворять иных глупостей.

— Я! — радостно подтвердила Росинка, совершенно не замечая его замешательства. Вернее, заметила, но приписала его естественной неловкости гостя, только-только обосновавшегося на новом месте. — Вересковая Росинка, хозяйка этого чудесного домика номер десять, к вашим услугам! Простите за опоздание, это полностью моя вина. Понимаете, я вышла вовремя, честное фейское, но у корней старого ясе-

ня сегодня утром распустились сон-цветы, а их пыльца так пахнет, что я не удержалась, приняхалась и присела послушать, как они зевают. Вы когда-нибудь слышали, как зевают сон-цветы? Это, знаете ли, такое «ааах-пффф», но тихонечко, будто мотылек чихнул над ухом. А потом оказалось, что я просидела там битый час и...

— Крылышки, — сказал внезапно черт.

Голос у него оказался низкий, с легкой хрипотцой, как будто он долго молчал, а теперь разговор давался через силу.

— Что, простите? — Росинка обернулась через плечо, пытаясь понять, не прилипло ли к ее крыльям что-то.

— Ничего, — буркнул черт и сделал шаг назад, пропуская ее внутрь. Шаг получился слишком резким, и он снова задел рогами верхушку дверного косяка. На этот раз изнутри посыпалась древесная труха. — Проклятые низкие потолки! — пробормотал он, потирая рога. — Разве здесь можно жить?

— О, вы привыкнете! — заверила его фея, проскальзывая внутрь дома. Она была миниатюрной даже по меркам своего народа — макушка с венком доставала черту едва до середины груди. — У нас в Цветущем Лесу все домики такие, понимаете, формат «Под корнями» — это наша фишка. Низкие потолки, круглые окошки, камин с искрами дружелюбия... Ой, вы уже растопили камин! Какой вы молодец! — перевела тему фея, восторженно оглядывая гостя и потрескивающий поленьями камин.

Внутри домик был обставлен с особым фейским уютом,

который заставляет гостей немедленно сворачиваться калачиком в кресле и просить теплое, мягкое одеялко. Стены, обитые нежным ярко-зеленым мхом, полки с книжками, пузатый чайник на каминной полке, кровать под балдахином из паутинки. В углу стояла метла — не летательная, а самая обычная, бытовая, для подметания, — и она приветственно шевельнула прутьями, когда хозяйка вошла и взглянула на ту.

Черт, пятясь, наткнулся на эту метлу, чертыхнулся — в прямом смысле — из-под его копыта выскочила крошечная молния, и метла обиженно забилась в угол.

— Осторожнее, она у меня чувствительная, — предупредила Росинка. — Итак! Давайте я проведу вам краткий инструктаж. Вы у нас по брони номер триста двенадцать, правильно? Господин... — она заглянула в бумажку, которую все еще сжимала в руке, — ...Инфернус Азраилович Искрометов?

— Можно просто Инфернус, — сказал черт. — Искрометов — это фамильный псевдоним для подписания официальных бумаг. Настоящую вам все равно не выговорить, там одни шипящие и пару гортанных всхлипов.

— Инфернус, — повторила фея, пробуя имя на вкус. — Красиво. Грозно. Вам идет! А я — Вересковая Росинка, но вы можете звать меня просто...

— Вересковая Росинка? — переспросил черт фею с таким выражением, будто его заставили съесть ложку сахарной

пудры. — Это имя или название стихийного бедствия?

— Имя! — ничуть не обиделась фея. — Фейские имена вообще длинные, это такая традиция. У нас считается, что короткое имя — к короткой судьбе. А нам спешить некуда, мы ведь долго живем, — улыбнулась фея. — Кстати, о долгом! Вот здесь, — она подлетела к камину и хлопнула по медному котелку, — будет ваша кухня. Чайник закипает по щелчку пальцев, но только если щелкать с уважением, он тоже характерный. Вот здесь кладовая, там сыр, хлеб, баночка с огнецветом для остроты. Вот здесь — спальное место. Окно выходит на запад, закаты у нас обалденные. И главное, — она обернулась и посмотрела на черта серьезно, насколько вообще может серьезно смотреть фея ростом в полторы ромашки, — соседей не беспокоить. Под корнем бука справа живет семья ежеиков-оборотней, они милейшие, но если их разбудить до полудня, начинают метать иголки во все стороны, без разбора. Под корнем сосны слева — господин Филин, он любит пофилософствовать ночью. И... он храпит, как кузнечный молот, так что не пугайтесь. Все условия согласованы с Лесным Советом, бумаги я подшила в папку.

Она говорила быстро, перепархивая от одного предмета к другому, поправляла идеально висящие занавески, гладила по ушку стоящую на полке чайную чашку, и все это время ее крылышки — полупрозрачные, с легким перламутровым отливом, в крапинку из крошечных золотых искр — трепетали за спиной, создавая вокруг феи ореол непрерывного движе-

ния.

Черт смотрел на эти крылышки как замороженный. Он даже перестал хмуриться, что для черта его ранга было почти физически невозможно — хмурость входила в базовый комплект наряду с копытами, хвостом и рогами. Инфернус Азраилович Искрометов пятьсот лет работал в Департаменте Малых Пакостей, лично курировал отдел по ссорам между супругами, и под его началом ходили такие страхолюды, что местные низшие черты в обморок падали. Он был грозой. Он был ужасом. Он был тем, кем пугают непослушных бесенят.

Но сейчас он стоял, чуть пригнувшись, в домике под корнем каштана, и не мог отвести взгляд от миниатюрной девушки с крылышками, которая щебетала о ежиках-оборотнях так, будто это было самое важное на свете.

— ...и еще, — продолжала Росинка, — если у вас есть какие-то особые пожелания по питанию, вы скажите, я все устрою. Понимаете, у меня бытовая магия, я могу наколдовать практически любую еду, кроме, пожалуй, мяса дракона — драконы у нас под охраной, да и невкусные они, честно говоря, — она показательно высунула язык, скривившись. — Но если вы любите острое, у меня есть отличный рецепт супа из жгучего перца, мне его подарила одна саламандра из Восточного Предела, мы с ней в прошлом году на конференции по домоводству...

— Не надо супа, — перебил ее Инфернус. Голос его прозвучал резче, чем он хотел, и он тут же пожалел, потому

что фея замолчала на полуслове и посмотрела на него снизу вверх своими огромными глазами. Глаза у нее были цвета молодой листвы — зеленые с золотистыми крапинками, — и от этого взгляда у черта почему-то перехватило дыхание. Он поспешно отвел взгляд и устоялся в окне. — Я сам разберусь с едой. Я неприхотливый.

— О, ну и чудесно! — снова расцвела фея. — Тогда я, пожалуй, пойду. Ваш ключик на столе, запасной под половиком, но половик кусается, так что лучше не совать под него пальцы без необходимости. Если что-то понадобится — мой домик через две поляны, под корнем плакучей ивы. Там табличка: *«Вересковая Росинка, фея-домохозяйка, прием по желанию, вход без стука карается взглядом»*.

Она уже стояла на пороге, собираясь выпорхнуть, но вдруг обернулась.

— Знаете, господин Искрометов, — сказала она доверительно, — я очень рада, что вы приехали. У нас тут редко бывают гости из... из ваших краев. Честно говоря, я немножко волновалась, когда увидела бронь. Думала, черт — это непременно скандалы, вечные требования, сера на скатерти... А вы, оказывается, очень даже приятный!

Инфернус поперхнулся воздухом. «Приятный?!». Его — главу отдела, грозу супружеских пар, обладателя высшей категории по мелким гадостям — называли «приятным»?! Если бы кто-то из его подчиненных это услышал, репутации пришел бы конец. Тут же!

Но его подчиненные были далеко, а фея стояла близко, и от нее пахло вереском, медом и чем-то еще — теплым, летним, совершенно несовместимым с адовым происхождением ее собеседника.

— Я не... — начал было он, опомнившись.

Но фея уже вспорхнула. Крылышки мелькнули в проеме двери, и она исчезла за поворотом тропинки, оставив после себя облачко золотистой пыльцы и ощущение, что в домике внезапно стало темнее.

Черт стоял посреди комнаты и смотрел на дверь.

Хвост его, до этого смиренно обвивавший ногу, медленно разжался и недоуменно повис в воздухе. Потом описал вопросительный знак. Потом — восклицательный.

— Быть не может, — сказал Инфернус вслух. — Нет! Это исключено.

Он подошел к окну и выглянул наружу. Где-то между древесными стволами мелькнул перламутровый отблеск — или ему просто показалось?

Черт сел на край кровати. Кровать под его весом жалобно скрипнула — она была рассчитана на существ несколько иной комплекции. Инфернус уперся локтями в колени и запустил пальцы в волосы. Рога, оставленные без присмотра, зацепились за балдахин из паутины.

— Проклятье, — сказал он в пространство.

Метла в углу сочувственно шаркнула в его сторону.

А где-то за двумя полянами отсюда, под корнем плакучей

ивы, фея Вересковая Росинка перебирала чайные чашки и думала, что новый постоялец, конечно, странный, но глаза у него красивые, как янтарь на солнце. И рога ничего такие... аккуратные. И вообще!

Но эту мысль она тут же задвинула куда подальше — в тот ящичек сознания, который феи деликатно подписывают «Всякая чепуха». Потому что черт и фея — это даже не смешно. Этого вообще не может быть. Это исключено!

Правда, чашки в ее руках почему-то тихонько звенели, а крылышки подрагивали, даже когда она сидела совершенно неподвижно.

Но это, конечно, было просто совпадение...

2

Вечер первого дня в Цветущем Лесу накрыл домик под каштаном сиреневыми сумерками. Инфернус просидел у окна битых два часа, глядя на то, как между стволами загораются огоньки светлячков, и пытался понять, что с ним не так. Может, переутомился? Может, сказалась смена климата? Из ада-то пекла — да в лесную прохладу, тут у кого угодно в голове помутится. Он даже проверил пульс на запястье и зачем-то понюхал воздух — не пахнет ли какой дурман-травой. Воздух пах мхом, древесной корой и отдаленно — тем самым вересковым медом, от которого у него до сих пор что-то странно сжималось под самыми ребрами.

— Крылышки, — мрачно сказал он в пространство. — Подумаешь, крылышки! У нас в аду перепончатые, куда эффективнее. И ничего... Не засматриваюсь же!

Метла, стоящая в углу, издала звук, подозрительно похожий на смешок.

— А ты вообще молчи! — огрызнулся в ее сторону черт. Он поднялся с кровати, снова задев рогами балдахин, сорвал проклятую паутинку, запутавшуюся в левом роге, и решительно направился к двери. Хватит сидеть взаперти. Он в отпуске, в Цветущем Лесу. Надо осмотреться, разведать обстановку и совершенно точно не искать глазами перламутровый отблеск между деревьями.

У самого порога его остановил шорох. Что-то просунулось под дверь — сперва показалось, что змея, но, приглядевшись, черт узнал гибкий стебель плюща. Стебель деловито прополз по половику, нащупал стол, подтянулся и с характерным шлепком уронил на столешницу конверт. После чего так же деловито уполз из домика обратно.

— Тут и почта растениями работает? — пробормотал Инфернус, вскрывая конверт.

Внутри оказалась открытка. На лицевой стороне красовался акварельный рисунок: танцующие феи, лешие с балабайками и надпись вязью: *«Цветущий Лес приветствует гостей! Ваша развлекательная программа на сезон»*. Ниже — календарь мероприятий на ближайшую неделю. Черт пробежал глазами по списку:

«Лунные танцы на Серебряной поляне» — каждый вечер, вход свободный.

«Турнир по метанию ишишек среди гномов» — приз — бочонок гномьей браги.

«Выставка шляпок русалок» — в конце месяца, павильон первый у Запрудного озера.

«Концерт хора столетних дубов» — репертуар — шум ветра, слушать сердцем.

«Вечер немагических настольных игр в Доме Собраний» — вход со своим лакомством...

Инфернус перевернул открытку. На обороте обнаружилась приписка — явно сделанная впопыхах и другим почер-

ком, мелким, с завитушками и стертой капелькой меда на уголке:

«Господин Искрометов! Если вам захочется куда-нибудь сходить, а одному неловко, я могла бы составить компанию. Я тут все знаю, все тропинки и все поляны, и могу показать самое интересное. Это совершенно не навязывание, а просто соседское участие. В общем, я в ивовом домике под номером один. В. Р.»

Черт прочитал приписку дважды. Потом еще раз. На слове «соседское» он почему-то задержался и нахмурился сильнее обычного.

— Так, — сказал он вслух. — Это просто вежливость. Дежурное гостеприимство. Один из пунктов какого-нибудь Лесного Устава.

Он чересчур аккуратно для черта его ранга сложил открытку и убрал в нагрудный карман рубашки. Потом подумал, вытащил и положил на стол. Снова убрал. Оставил на столе. Пошел к двери. Вернулся. В итоге сунул открытку в карман.

— Исключительно чтобы не заблудиться, — пояснил он метле. — Если что, она тут ориентируется. Будет моим проводником. Это... чисто из практических соображений.

Метла промолчала, но всем своим видом выражала глубочайший скепсис.

На следующее утро Инфернус проснулся от того, что кто-то настойчиво барабанил в окно. Не в дверь, как полагается, — в окно. Он сел на кровати, сонно моргая, и увидел за стеклом круглую физиономию — слегка багровую, бородастую и крайне оживленную. Физиономия принадлежала гному и выражала яркую готовность общаться.

— Сосе-ед! — проорал гном сквозь стекло. — Открыва-ай! Знакомиться будем!

Черт сполз с кровати, в очередной раз запутавшись рогами в балдахине — злясь, он уже всерьез подумывал спилить эту конструкцию к адовой матери, — и открыл окно. Гном немедленно просунул в него голову, плечи и, кажется, намеревался залезть в домик к черту целиком.

— Рубин Куйский! — представился он, протягивая волосатую руку. — Кузнец, стеклодув и председатель комитета по культурному досугу! Ты, стало быть, черт? А я смотрю — дым из трубы характерный, с искрами такой. Дай, думаю, зайду. Мы туточки редко видим ваших братьев. Оно и понятно, климат не ваш, муторно, поди?

— Нормально, — сказал Инфернус, отвечая на рукопожатие. Ладонь у гнома была грубая, как наждак.

— Ну и славно! — прогудел Рубин, выдергивая руку и вытаскивая из-за пазухи мятый свиток. — Я к тебе, собственно, по делу, как председатель комитета. У нас завтра большое событие — турнир по метанию шишек. Ежегодный, между прочим! Гномы со всей округи съезжаются. Ты как, участво-

вать собираешься?

— Я? — удивился черт. — В метании шишек?

— А что? — гном оглядел его с головы до копыт. — Комплекция подходящая. Рука, думаю, тяжелая. И потом, — он понизил голос и подмигнул, — главный приз — бочонок отличной гномьей браги. Крепкая, зараза, аж слезу вышибает. Ну так что?

Инфернус задумался. С одной стороны, турнир по метанию шишек звучал как что-то до неприличия несерьезное. С другой — он же в отпуске. Да и брага призовая... И вообще, надо же чем-то занять руки, чтобы они не тянулись к открытке в нагрудном кармане?!

— Ладно, — сказал он. — Запишите.

— Вот это по-нашему! — взревел гном и так хлопнул по подоконнику, что с крыши посыпалась труха. — Тогда завтра в полдень на Большой поляне! Форма одежды — любая, но соревнуемся мы без магии! Чистый спорт! — он спрыгнул с подоконника и уже из-за кустов добавил. — И это... соседку нашу, Вересковую Росинку, прихвати, что ли. А то она вечно в своих домиках возится, света белого не видит. А тут такое дело — праздник!

И исчез в зарослях папоротника.

Черт остался у окна, переваривая последнюю фразу. «Вересковую Росинку прихвати». Будто это так просто — взять и прихватить. Как будто он может просто подойти к домику под ивой и сказать: «Эй, фея, пойдем швыряться шишками».

У него, между прочим, пятьсот лет стажа по части ссор и склок, а вот по части приглашения фей на турниры — ноль. Полный, абсолютный, катастрофический ноль!

Он отошел от окна и уставился на свое отражение в медном чайнике. Из отражения на него глянул мрачный рога-тый тип с желтыми глазами и хвостом, нервно выбивающим дробь по ножке стула.

— Отлично, — сказал он отражению. — Просто замечательно!

.....##.....

А тем временем на другом конце Цветущего Леса, в до-мике номер один под плакучей ивой, происходила сцена не менее драматическая. Росинка стояла перед зеркальцем из отполированной слюды и перебирала свои венки. Их было одиннадцать. Одиннадцать! И ни один, с ее точки зрения, не подходил для того, чтобы «случайно» встретить нового по-стояльца на прогулке.

— Этот слишком торжественный, — бормотала она, от-кладывая венки из лунных лилий. — Этот слишком буднич-ный. Этот вообще колется. А этот... нет, в этом я похожа на живую клумбу.

— Ты и есть клумба, — заметил паук, живший у нее под потолком. Паука звали Афанасий, он был стар, мудр и обла-дал отвратительной привычкой говорить правду в глаза.

— Афанасий, ты ничего не понимаешь в вопросах стиля! — отмахнулась фея. — Я должна выглядеть... ну... прилич-

но. По-соседски прилично, чтобы он не подумал ничего такого, — она задргала руками перед собой, изображая сложную фигуру в пространстве.

— А что он может подумать? — поинтересовался паук, спускаясь на ниточке.

— Ничего! — поспешно сказала Росинка. — Вообще ничего! Потому что нечего тут и думать. Я просто хочу быть вежливой хозяйкой. Устав Лесного Гостеприимства, пункт восьмой: «Всякому гостю надлежит оказывать радушие и содействие в ознакомлении с окрестностями». Вот!

— Пункт восьмой ничего не говорит про венки, — ехидно заметил Афанасий.

Фея предпочла не отвечать пауку. Она выбрала самый скромный венок — из полевых ромашек с добавлением пары веточек вереска — и водрузила его на голову. Потом одернула передник, проверила, не осыпалась ли с крылышек пыльца, и решительно направилась к двери.

Ровно затем, чтобы застыть на пороге.

Потому что на тропинке, ведущей к домику под ивой, стоял Инфернус Азраилович Искрометов собственной персоной. Рога полированы до блеска. Рубашка та же, темно-красная, но рукава на этот раз не закатаны, а застегнуты — видимо, в знак официальности. Хвост замер в воздухе, кончик его едва заметно подрагивал. В руках черт держал нечто, завернутое в... лопух.

— Добрый день, — сказал он.

Голос прозвучал ниже обычного, и в нем слышалась напряженность — как у человека, который репетировал эту фразу перед чайником все утро. Что, собственно, было недалеко от истины.

— Добрый! — откликнулась фея с интонацией человека, который тоже репетировал, но только перед пауком. — Какая неожиданная встреча!

Они замолчали. Пауза затягивалась.

— Я тут это... — начал черт, — ...шел мимо. И подумал... Тут еще гном этот, Рубин, заходил. Сказал, завтра турнир. Будем шишками кидаться... И просил передать... то есть, спросить... В общем, — он сунул ей сверток из лопуха с такой силой, будто вручал повестку из адова суда, — это вам. То есть тебе. Вам. В общем, держи!

Вересковая Росинка развернула лопух. Внутри лежали три идеально ровные, блестящие, явно отполированные до блеска еловые шишки.

— Это для турнира, — пояснил черт, глядя куда-то поверх ее венка. — Снаряды. Я подумал, что у тебя, наверное, нет своих. Ну, для метания. А эти — хорошие, сбалансированные. Я их лично отобрал на сосне. Сосна, правда, сопротивлялась, но...

— Вы лазили на сосну? — ахнула фея, и в ее глазах промелькнуло что-то среднее между ужасом и восторгом. — Ради шишек?

— Ну не ради же моего удовольствия, — буркнул черт.

— Она колючая, и смола до сих пор на рукаве, — и как бы показательно поднял руку, вымазанную смолой.

А потом замолчал, понимая, что говорит что-то не то. Фея смотрела на него снизу вверх, прижимая к груди лопух с шишками, и молчала. Потом на ее лице медленно, как солнце, вышедшее из-за туч, расцвела улыбка.

— Это самый... неожиданный подарок в моей жизни, — сказала она. — Спасибо! Я никогда не участвовала в турнире. То есть я вообще никогда не метала шишки. То есть я могу метнуть, но обычно промахиваюсь мимо всего, включая землю. Но ради таких шишек я готова попробовать.

— Вот и славно, — выдохнул черт. — Тогда завтра в полдень я зайду. Если ты не против.

— Я не против, — сказала фея.

— Ну и хорошо, — сказал черт.

— Хорошо, — сказала фея.

Они снова замолчали. Афанасий под потолком домика феи закатил все восемь глаз разом и что-то проворчал насчет того, что смотреть на это невозможно.

— Тогда до завтра? — спросил наконец-таки черт.

— До завтра, — кивнула фея.

Он развернулся и пошел по тропинке назад. Прошел шагов десять — и запнулся о корень. Не упал, устоял, но хвост его дернулся так, что сшиб мухомор на обочине. Мухомор завалился набок. Черт не обернулся. Он уже понял главное: оборачиваться нельзя. Если он обернется и увидит этот ве-

нок из ромашек, эти крылышки с золотистой пылью и этот лопух с шишками, прижатый к груди, — он пропадет окончательно. А он еще, в конце концов, не решил, готов ли он пропадать или же нет.

Росинка стояла на пороге до тех пор, пока темно-красная рубашка черта не скрылась за папоротниками. Потом она медленно опустилась на крылечко и посмотрела на шишки, лежащие на лопухе. Они были и правда отличные — ровные, тяжеленькие, с аккуратно отполированными чешуйками. От них пахло смолой и совсем немножко серой.

— Шишки, — сказала она вслух. — Он подарил мне шишки.

— Трагедия! — прокомментировал сверху Афанасий. — Парень явно не знает, что феям дарят цветы.

— Цветы мне дарили сотни раз, — отмахнулась от него Росинка. — А шишки — никогда, — она задумчиво повертела одну в пальцах. — Афанасий, как ты думаешь, если черт дарит фее шишки, это что-то значит?

— О да! Еще как! — усмехнулся он. — Это значит, что завтра ты будешь кидаться ими в других гномов, — резюмировал паук. — А, зная твою меткость, я бы посоветовал гномам надеть каски.

Фея тихо рассмеялась. Но шишки убрала на самое видное место — на каминную полку, к любимым чашкам, чтобы смотреть на них и думать. О турнире, разумеется. Исключительно о турнире.

Вечером Цветущий Лес наполнился звуками: где-то у Серебряной поляны настраивали светлячков для лунных танцев, гномы в таверне «Под Мухомором» гудели, обсуждая завтрашние состязания, а в глубине леса хор столетних дубов начинал свою вечную песню — низкий, протяжный гул, который не слышен ушами, зато прекрасно слышен сердцем. В домике под каштаном черт перебирал оставшиеся шишки и думал, что зря он отдал лучшие фее. Но отдал — и правильно. А в домике под ивой фея, вместо того чтобы спать, практиковалась в метании подушки в стену и не понимала, почему снаряд все время уходит влево. Афанасий наблюдал за этим с философским спокойствием, но на всякий случай перебрался в дальний угол.

Лес затихал медленно, нехотя, как будто сам ждал чего-то интересного. И завтрашний день обещал это интересное предоставить...

3

Утро турнира выдалось на редкость погожим. Солнце пробивалось сквозь листву косыми золотыми столбами, в воздухе пахло разогретой хвоей и чем-то... невероятно вкусным — это гномы с раннего часа раскочегарили походную кухню на Большой поляне и теперь жарили что-то на решетках, щедро поливая содержимое брагой для пущего аромата. Дым от мангалов поднимался к самым кронам, и местные белки чихали, но не жаловались — им тоже перепадала доля угощений.

Инфернус стоял перед дверью домика под ивой уже битых пять минут. Он пришел раньше условленного времени, потому что рассчитал маршрут с запасом, а еще потому, что с самого рассвета места себе не находил. За эти пять минут он успел: трижды поправить рубашку, дважды пригладить волосы, раз проверить, так ли блестят его рога, и примерно двенадцать раз подумать о том, что вся эта затея — форменное безумие. Глава отдела в Департаменте Малых Пакостей, гроза супружеских пар, обладатель награды «Золотой Котел» за вклад в развитие бытовых ссор — и вдруг стоит под дверью феи с букетом!

С букетом, потому что вчера вечером, проходя мимо душистого луга, он заметил цветок, который по расцветке почти в точности совпадал с оттенком ее прекрасных крылы-

шек. Он сам не понял, как сорвал один. Потом еще один. Потом еще три. А потом понял, что в руках у него уже целый букет, и девать его некуда. Не выбрасывать же.

— Это нервное, — сказал он букету. — Акклиматизация...

Букет не ответил.

Черт уже занес руку, чтобы постучать, когда дверь распахнулась сама. На пороге стояла Вересковая Росинка — и вид у нее был такой, будто она тоже с рассвета не находила себе места, но тщательно это скрывает сейчас. Ради турнира фея явно постаралась выглядеть по-спортивному: венок она закрепила особо прочно, юбку подколола чуть выше икр, чтобы не путалась в ногах, а на плечи накинула легкую курточку из лепестков ириса — она держалась на одной-единственной пуговице в виде божьей коровки и, честно говоря, держалась та плохо.

— Доброго дня! — выпалила она с интонацией, которую репетировала перед пауком еще затемно.

— Доброго, — сказал черт и сунул ей букет.

Вышло это опять резковато — сказывались пятьсот лет отсутствия практики. Фея приняла цветы с таким выражением, будто ей вручили по меньшей мере ключи от небесного царства. Она уткнулась носом в лепестки и на мгновение зажмурилась.

— Это луговые флоксы, — прошептала она. — Они пахнут закатом. Откуда вы узнали?

— Понятия не имею, — честно ответил черт. — Я просто мимо шел.

— Вы все время мимо ходите, — заметила фея, и в ее голосе промелькнула та самая легкая смешинка, от которой у Инфернуса почему-то теплело в районе солнечного сплетения.

— Такой лес, — буркнул он. — Весь из себя проходной.

Росинка бережно уложила букет в вазочку, которая по волшебству — бытовой магии феи — материализовалась прямо из воздуха, и повернулась к своему спутнику.

— Я готова! Шишки при мне.

Она похлопала по сумке-мешочку, висящей на поясе. Сумка была расшита узором из дубовых листьев и топорщилась от трех отборных, отполированных шишек.

— Тогда идем, — сказал черт и отступил на шаг, пропуская фею на тропинку. Хвост его при этом попытался независимо зависнуть в воздухе, но вместо этого сбил с ветки желудь, который угодил Инфернусу прямо по макушке.

— Осторожнее, — хихикнула фея. — Желуди у нас боевые.

— Я это заметил, — мрачно отозвался черт, потирая голову и косясь на предательский хвост. Тот сделал вид, что он вообще не при чем, и спрятался за спину хозяина.

.....##.....

Большая поляна встретила их гулом и гомоном. Народу собралось — пожалуй, больше, чем Росинка видела за весь

прошлый год. Гномы, разумеется, преобладали: коренастые, бородатые, в кожаных фартуках и с неизменными кружками в руках. Но были и другие зрители: семейство ежей-оборотней заняло целый пенёк. Правда, они еще толком не проснулись и клевали носами; господин Филин восседал на суку высокого дерева с видом спортивного комментатора; несколько русалок выбрались из Запрудного озера и теперь сияли чешуей на солнце, обмахиваясь кувшинками. Даже хор столетних дубов, кажется, слегка сместил корни поближе к месту событий — во всяком случае, один из дубов стоял явно ближе, чем находился вчера. Что странно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.